

Начальник аврората Марти Монтенберри уже давно убедился, что в борьбе с настойчивостью Гарри действует правило зануды — легче отдаться, чем объяснить, почему нельзя. Однако на этот раз он оказался во всеоружии — устроенный вчера собственным распоряжением выходной благоприятно сказался на его способности противостоять настойчивости заместителя, и он уже в который раз с улыбкой покачал головой.

— Так, давайте ещё раз по кругу, — терпеливо сказал Гарри. — Какова загруженность аврората в последние четыре недели?

— Это ни о чём не говорит, — заметил Монтенберри. — Численность состава аврората в двести пятьдесят человек выбрана оптимальной на случай внезапного нападения тёмных сил. Мы здесь не прохлаждаемся, а стоим на посту. Мы — эта та тонкая синяя линия, которая отделяет магическое сообщество от пропасти, в которую его в любой момент могут столкнуть адепты тёмной магии.

— У нас нет адептов тёмной магии, — возразил Гарри. — Все, что выжили после Второй Войны, были отправлены в Азкабан...

— Это мы думаем, что их нет, — покачал головой Монтенберри. — А на самом деле они есть. И замышляют. Они всегда замышляют. Вот твой приятель Малfoy...

— Он не мой приятель, — возмутился Гарри. — Ни один из них.

— Кстати, Нарцисса Малfoy сегодня с утра бродит между отделом учёта опасных магических растений и отделом по противостоянию маггловским обычаям, — вспомнил Монтенберри.

— Мне это не интересно, — бросил Гарри. — Мне интересно, чтобы вы позволили мне или Дикку Лонгсосэджу отправиться в Азкабан и провести там инспекцию.

— А мне совсем не хочется, чтобы ради каких-то заключённых кто-то из вас отправлялся в дальний и не совсем безопасный путь, — сказал Монтенберри. — Если их туда посадили, значит был тому резон.

— Некоторых отправили в Азкабан в то время, когда Волдеморт хозяйничал в Министерстве, — отметил Гарри.

— И скорее всего эти несчастные уже мертвы, — сочувственно покивал головой Монтенберри. — Тем более уж нет смысла туда отправляться.

— Так, давайте ещё раз по кругу, — вздохнул Гарри. — Какова загруженность аврората в последние четыре недели?..

Всё время их разговора Ричард Лонгсосэдж и помощник Гарри Майкл сидели рядом, не

вмешиваясь. Майкл по своему обыкновению щёлкал по клавишам переносного компьютера, а Дик рылся в подшивке “Пророка”, освещавшей процесс над выжившими Пожирателями Смерти и их отправку в Азкабан. Собственно, уцелевшие номера газеты на данный момент были единственным документом, который более-менее точно мог перечислить, кого и за что отправили в исправительное учреждение летом девяносто восьмого.

— Скажи мне, Гарри, — сменил тему Монтенберри через два часа переговоров. — Отчего вдруг такая заинтересованность? Зачем Дику отправляться в Азкабан и копаться в отбросах общества?

— Как раз потому, что не все из них могут оказаться отбросами, — ответил Гарри. — Неужто так сложно протянуть руку тому, кто мог оказаться в тюрьме незаслуженно?

— И ты, конечно, вспомнил об этом как раз в тот момент, когда очнулся от своего полугодового запоя? — хмыкнул Монтенберри.

— Считайте это моей попыткой выплатить свой долг обществу за то, что я за это время натворил, — пробормотал Гарри.

— Это хорошо, что ты вспомнил о своём долге обществу, — удивлённо поднял брови Монтенберри. — Ричард, ты не против небольшой командировки?

— Если я ещё день промаюсь дурью в аврорате, я повешусь на собственных шнурах, — лениво ответил Лонгсосэддж. — Разрешите отбыть прямо сейчас?

— Тебе нужны помощники? — поинтересовался Монтенберри.

— А сколько можно взять? — от расслабленности старшего группы не осталось и следа — он опустил ноги на пол и подался вперёд, жадно глядя в лицо начальнику. — Ребята готовы будут проставиться, босс!

— Не больше шести, — задумчиво произнёс Монтенберри. — Гарри тебе сформулирует задачу.

— Я тогда пойду проведу конкурс среди авроров, — поднялся с места Лонгсосэддж и похлопал по плечу Майкла: — А вы пока завершите свою беседу.

Монтенберри подождал, пока Майкл выйдет вслед за Лонгсосэджем.

— Я всё хотел, чтобы ты мне признался в том, что у тебя в этом деле есть личный интерес, — сказал он Гарри. — А потом ты мне напомнил о долге перед обществом, и я решил, что этого мне достаточно.

— А я не хотел, чтобы мои персональные предпочтения принимались во внимание, — сокрушённо покачал головой Гарри. — Когда я сюда попал, мне дали карт-бланш, руководствуясь личными соображениями, но и результаты я предоставил неплохие, и это может позволить личные соображения отодвинуть на задний план. По-моему, я уже заслужил, чтобы ко мне хоть иногда относились не как к сумасбродствующему спасителю нации, а просто как к человеку, хорошо делающему свою работу.

— Так что всё-таки произошло? — поинтересовался Монтенберри. — И в чём ты так стыдишься мне признаться?

— О нет, я ничего не стыжусь, — возразил Гарри. — Мне стыдно вспоминать сломанный стол Шаклболта, но в данном случае... Я пытаюсь исправить большую несправедливость. И хотя я узнал об этом в частном порядке, и мои личные предпочтения действительно сыграли свою роль... Но только в том, что я получил эту информацию, а не в том, как я намереваюсь ей распорядиться...

— Я весь внимание, — пригласил Монтенберри.

— Ну хорошо, — сдался Гарри. — Вы помните эту эпическую историю про девочку, что предложила сдать Чудо-Мальчика Волдеморту?

— Конечно, — кивнул Монтенберри. — У нас в холле даже картина висит, посвященная...

— Поэтому я и сказал “эпическую”, — усмехнулся Гарри. — Даже картину размером три на десять метров намалевали. Ещё в два раза больше — и вышло бы в натуральную величину... А вы помните имя этой девочки?

— Честно говоря, не очень, — признался Монтенберри. — Хотя я помню, что она вроде как из условно чистокровных, так что методом перебора...

— Паркинсон, — подсказал Гарри. — Панси Паркинсон. После того инцидента она стала парией.

— Это как? — удивился Монтенберри.

— С ней никто не пожелал разговаривать, — пояснил Гарри. — Вообще никто. Ни словом. Она в результате замкнулась и зачерствела...

— А, — махнул рукой Монтенберри. — Поделом!

— Поделом? — переспросил Гарри. — Поделом — испуганной девушке, оказавшейся в школе под ударом Пожирателей в тот самый час, как все те же лавочники, что предали её обструкции, спокойно продолжали торговать в Косом Переулке? И ни один ведь не

пошевелился помочь в битве...

— Хорошо, я понял, что ты имеешь в виду, — согласился Монтенберри. — Да, ты прав, и я об этом даже не думал.

— Её родителей арестовали и отправили в Азкабан буквально накануне битвы за Хогвартс, хотя она об этом и не знала, — продолжил Гарри. — Заметьте, это было сделано аврорами и Визенгамотом, служившими Волдеморту. Когда же мы победили, все попытки узнать об их судьбе разбивались уже при новой власти о её фамилию. Ещё есть шанс, что они живы, и есть шанс, что их преступление было именно в отношении власти Волдеморта...

— Хорошо, ты меня убедил, — хлопнул в ладоши Монтенберри, поднимаясь. Гарри тоже вскочил. — Официально тебе заявляю, что Дик отправлен в Азкабан восстанавливать справедливость, а не по сумасбродству спасителя нации.

— Спасибо, сэр, — поклонился он, выходя из кабинета начальника.

Инструктаж был достаточно простой. Поскольку никто не знал реалий азкабанского быта, то первой задачей было определить, живы ли Паркинсоны или хоть кто-то из них, и уверенно отличить их от других заключённых, особенно от Пожирателей. Именно доля этого Лонгсосэдж и подготовил газетные вырезки. Второй задачей было по возможности выяснить обстоятельства их заключения и понять, что они натворили. Дик был весьма умён, и среди выбранных им спутников было двое целителей — на всякий случай. Собственно, и инструкции ему не понадобились — он вполне понимал сам, что от него требуется.

Вечером они с Асторией отправились навестить её родителей, и за ужином Гарри рассказал им, что удалось сделать. Вышли они уже достаточно поздно, и не сговариваясь отправились к Панси — ночевать под дверью.

Путь аврорам предстоял неблизкий и по-своему опасный. Сначала по каминной сети в Эдинбург, потом оттуда две трансгрессии до Петерхэда неподалёку к северу от Абердина, и оттуда уже сто километров на мётлах над холодным и частенько беспокойным морем на востоко-северо-восток, ориентируясь по особому компасу без стрелки. Гарри надеялся, что авроры не станут лететь ночью, и оттого не ожидал известий раньше полудня. Однако измотанная сова прибыла к вечеру, когда он собирался уже покинуть кабинет. Тяжело брякнулась на стол и распласталась, шумно дыша. Он отвязал от лапки письмо и спешно его вскрыл.

“Заместителю начальника аврората

Министерства Магии Великобритании

Гарольду Джеймсу Поттеру

Мистер Поттер,

Спешу поставить Вас в известность, что отправленный в исправительное учреждение Азкабан отряд добрался вовремя и без потерь.

Результаты первичного осмотра:

1. Персонал учреждения составляют два аврора эдинбургского отделения, дежурящие на ротационной основе. Длительность смены — две недели.

Персоналу вменяется в обязанность уборка всех помещений тюрьмы в начале смены. После — по желанию. Приготовление пищи для заключённых и кормёжка, которая осуществляется через узкие окошки с выдвижными ящиками — поддонами. Рацион кормления определён статьёй номер семьдесят два редакции двенадцатого февраля тысяча тридцать первого года Свода Магических Правил и Законов.

2. Учёт заключённых отсутствует. Во избежание возможных актов самосуда персонал не знает ни имён заключённых, ни статей, по которым они определены в Азкабан.

3. Условия содержания заключённых — пара матрасов на каменном полу, толстое одеяло и дыра отхожего места в углу камеры. Деревянные или металлические предметы отсутствуют. На окнах лишь решётки, стекла нет. Считается, что защитные чары Азкабана не должны пропускать холодный ветер. Опытным путём выяснено, что эти расчёты неоправданны.

4. Согласно статье номер семьдесят три редакции двенадцатого февраля тысяча тридцать первого года Свода Магических Правил и Законов, родственники должны размещаться в соседних камерах, хотя возможности к общению не предусмотрено.

5. Краткая экскурсия по камерам не дала результата. Во многих случаях удаётся по одежде и бороде определить пол заключённого. Обнаружены три выжившие пары мужчина-женщина по соседству, но узнать, родственники ли они или просто оказались рядом, пока не представляется возможным. Целители работают над этим, но скорых результатов не обещаю. Дело осложняется тем, что одна из пар практически на пределе, и непоправимое может случиться со дня на день, несмотря на все усилия.

6. По соседству с несколькими заключёнными обнаружены останки заключённых противоположного пола. Этих заключённых целители тоже попытаются привести в состояние, в котором они смогут воспринимать действительность.

Завтра к концу дня пришлю возможные результаты.

С уважением,

Ричард Лонгсосэдж,

Старший аврор”

Перечитав письмо три раза, он схватился за голову. Астория, которой он его показал, тоже нахмурилась, но при этом такого возмущения не высказала.

— Я понимаю твои переживания по поводу Паркинсонов, — сказала она. — Я и сама теперь постоянно только о них и думаю, но вот к остальным у меня жалости никакой. Не забывай, что Пожиратели Смерти пытали и убивали и твоих друзей в том числе. Им дали шанс выжить, и если они им не воспользуются, то я-то уж точно плакать не буду.

“Заместителю начальника аврората

Министерства Магии Великобритании

Гарольду Джеймсу Поттеру

Мистер Поттер,

Как я вчера упоминал, одна из обнаруженных нами пар оказалась в критическом состоянии. Несмотря на усилия наших целителей, спасти женщину мы не смогли, а состояние мужчины продолжает ухудшаться. Прогноз очень неблагоприятный.

По моему запросу из Эдинбурга прислали ещё шесть авроров и четырёх целителей, что сильно облегчает нашу задачу. Двое из прибывших авроров сейчас заняты очисткой камер, в том числе и от останков.

Прошу внести на рассмотрение предложение о смене условий содержания заключённых. Пропитание, окна и мебель. Вы, насколько я знаю, в курсе наличия прочных маггловских материалов, не пригодных ни для колдовства, ни для самоубийства.

Ваш покорный слуга невольно допустил вчера ошибку, хотя я и выслушал Вас внимательно перед отправлением. Сегодня из потенциально семейных мы выделили пару, в которой ни один не имеет Чёрной Метки на руке. Двоих целителей я выделил целенаправленно заниматься этими двумя заключёнными. Относительно других они в приличной форме, но осмысленно общаться пока не могут.

Если они окажутся теми, кто нам нужен, я предлагаю заранее озаботиться транспортировкой. Скорее всего, мы сможем добиться от них имён, но подробностей извлечь не получится, и по

мнению наших целителей им потребуется хотя бы пара недель лечения в больнице имени святого Мунго.

С уважением,

Ричард Лонгсосэддж,

Старший аврор”

Это письмо его воодушевило, и он сразу побежал к начальнику, чтобы договориться о транспорте. Потенциально было две возможности — прямой портал в Лондон, либо по воздуху драконом. Дракон был неудобен по многим причинам, но портал требовал разрешения лично Министра, а кроме того был непригоден к использованию ослабевшими заключёнными. Поэтому он решил спросить совета начальника.

— Заготовь и то, и то, — пожал плечами Монтенберри. — Если дело обстоит таким образом, как ты говоришь, и эти люди окажутся невиновными перед нынешней властью, то скорее всего Министерство предложит им существенную компенсацию за каждый день в заточении, и дракон уж всяко выйдет дешевле. Ну а доставить в Азкабан порталный ключ и вовсе ничего не будет стоить. Я сам поговорю с Министром относительно ключа.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Гарри.

Встречаться с Шаклболтом ему пока не очень хотелось.

На следующий день Лонгсосэддж сообщил, что перспективная пара ещё не в себе, и по прогнозу целителей раньше понедельника вряд ли что-то изменится. Кроме того, из оставшихся двадцати семи заключённых удалось установить личности двадцати одного Пожирателя Смерти. Лонгсосэддж своей властью приказал в Эдинбурге дополнительно продовольствия и выписал кухарку, которая готовила бы что-нибудь отличное от подававшейся три раза в день баланды. Пища предполагалась по-прежнему простая, но добротная. Монтенберри отослал туда выданный Шаклболтом порталный ключ и позаботился о том, чтобы в Азкабан перегнали дракона, способного помимо погонщика нести ещё двух человек.

Гарри потратил весь день на составление новых правил содержания заключённых и включения Азкабана в уже сформированную им в аврорате систему документооборота — чтобы не приходилось гадать, кто и где сидит, а вместо этого в любой момент иметь возможность извлечь на свет дело, в котором было бы по пунктам расписано, где, за что, и главное — кто. Последнее было особенно важно, поскольку заключённые с большой вероятностью могли быть свидетелями расследуемых преступлений. Потенциально расследуемых, конечно, поскольку в данный момент, к счастью, ни одного преступника на горизонте не наблюдалось, как бы этого ни желали разлагающиеся со скуки сотрудники аврората.

Дело продвигалось со скрипом — документ должен был быть составлен безукоризненно, и пришлось тайком попросить Монтенберри выкрасть у Шаклболта единственного законника Министерства. Параграф за параграфом постепенно ложились на бумагу, и к концу дня первая редакция была готова. Пока законник в последний раз просматривал результат на предмет неточностей, Майкл принёс Гарри результаты поиска мебели и окон, которые можно было бы использовать в Азкабанае.

— Неплохо, — заметил Гарри. — Прочный пластик можно ещё и укрепить чарами, чтобы мебель невозможно было сдвинуть с места. Поскольку и на простыне можно в принципе повеситься — при наличии мебели — то бельё тоже можно закрепить на кровати с помощью чар. Одеяло должно быть прочным, чтобы не было никакой возможности разделить его на полосы. Ты записываешь?

— Конечно, босс, — кивнул Майкл.

— Всё в порядке, мистер Поттер, — объявил законник, как раз закончивший чтение. — Я отнесу это на подпись Министру, а потом секретариат поднимет вопрос на следующем заседании Визенгамота. Как только они утвердят новые правила, Свод будет автоматически обновлён, и правила станут обязательными к использованию.

— Большое спасибо, — поклонился Гарри.

Плохо было, конечно, что неизвестность затягивается до понедельника, но теперь он по крайней мере верил, что всё-таки нашёл, что искал, и что родители Панси — эта та самая пара, которую аврорам не удалось опознать. Судя по тому, что ему рассказали Гринграссы, Паркинсоны были хорошими людьми, и уж точно они не скрылись бы бесследно где-нибудь за границей, оставив дочь выкручиваться в одиночку. А если они и в Азкабанае, то наверняка не совершили ничего ужасного. И это заключение он сделал на основе общения с Панси. Если уж она, казавшаяся ему в Хогвартсе, насколько он помнил, тупой злобной уродиной, вышла в итоге полной противоположностью его тогдашнему мнению, то и родители у неё должны быть исключительными.

Утром в субботу он раскрыл глаза и понял, что человек действительно может привыкнуть ко всему. Ночной сон оказался вполне здоровым и продолжительным, принесённый в итоге столь нужное отдохновение. Астория у него на руках так вообще не проснулась, а лишь глубже зарылась носиком в отворот его куртки. Однако Панси за дверью, как ему показалось, сразу же встрепенулась одновременно с ним. Он осторожно извлёк из кармана телефон и набрал её номер. Рядом раздался звонок, прервавшийся даже не на половине, а на первой своей трети.

— Да, — сказала она в трубку.

— Доброе утро, кошечка, — сказал он.

— Ну, положим, — сдержанно отозвалась она.

— Положим “доброе утро” или положим “кошечка”? — улыбнулся он.

— Кошечка, — пояснила она.

— Мне так тебя не называть? — спросил он.

— Непривычно, — ответила она. — Как пожелаешь.

Этого было ему мало, и он открыл было рот, чтобы снова уточнить.

— Нравится, — сказала она раньше, чем он успел задать вопрос.

— У нас на сегодня обширная программа, — объявил он. — Сейчас мы с Асторией сходим позавтракать, а потом я зайду за тобой.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, — ответил он. — Потому, что я так желаю.

Послышалось шуршание.

— Я с вами, — заявила она и предупредила: — Открываю!

Он крепче обнял Асторию, и дверь бесшумно распахнулась. Как обычно, Панси не запирала её. Может, проверяла, насколько ему можно доверять, а может, просто доверяла.

— Пообещай, пожалуйста... — начала она.

— Никаких поползновений, — кивнул он. — Если только сама... Астория, просыпайся, солнышко!

Она, собственно, уже проснулась — её поза на какое-то мгновение перестала быть расслабленной, но он успел уловить этот момент — и теперь жмурилась, притворяясь, что её здесь нет.

— Солнышко, — повторила за ним Панси.

— Ты претендуешь? — спросил он. — Хочешь, чтобы я тебя тоже так называл?

— Как пожелаешь, — ответила она и направилась к лестнице.

Астория, вскочив, тоже отправилась наверх — но только на второй этаж, где она обычно ночевала в этом доме. Гарри остался снизу, благо ванная и здесь имелась. А в ванной, что особенно ценно, была волшебная мазь для удаления поросли с лица. Умывшись и освежившись, он уселся в гостиной на диван, по пути прихватив с собой книжку.

Панси, как ни странно, появилась первой. Точнее, неожиданно возникла прямо перед ним. Похоже, она ступала настолько неслышно, что он даже не заметил, как она приблизилась. Он сразу вскочил и навис над ней, с трудом удерживая руки при себе. Она была прекрасна — пробивающийся почти горизонтально через витраж окна солнечный свет золотил пряди её тёмных волос и наливал спелым соком манящие губы. Почувствовав его нетерпение, она шагнула к нему почти вплотную и отвернула голову в сторону, будто её здесь нет. Он нерешительно протянул руки, обнимая её вокруг талии и наклонился, чтобы поцеловать в щёку. Потом, не удержавшись, продолжил к уху и двинулся с поцелуями вниз по шее, которую она изогнула навстречу.

Она почти бесшумно вздохнула, и он потянулся к её губам, но она продолжила отворачиваться. Тогда он отпустил талию и взял в ладони лицо, чтобы поцеловать. Она крепко зажмурилась и не сразу ответила на поцелуй, но он продолжил терзать её сладкие губы, и тогда она уже не выдержала и закинула ему руки на шею, приподнявшись на цыпочках. Она жадно, словно соскучилась не меньше него, вернула ему ласку, почти сразу пустив в ход язык, и остановилась лишь тогда, когда его ладонь захватила полушарие груди под платьем.

— Нет, — сказала она, прервав поцелуй и отстранившись.

— Я бы предпочёл услышать “как пожелаешь”, — возразил он.

— Нет, — повторила она, и он со вздохом убрал руку.

Тем не менее она не отпустила его и продолжала глядеть в глаза, невольно облизывая язычком уста. Он улыбнулся этому милому жесту, склонился к её ушку и прошептал:

— Кошечка!

Она сразу повернула голову и вновь нашла его губы. Время словно замерло. Целуя её, он чувствовал, как она тает в его руках и беззвучно стонет, и ему ужасно захотелось плюнуть на её запрет и отнести наверх. Почему-то он знал, что она его не остановит, и лишь крепче прижмётся, чтобы ему было легче её нести, и даже при этом будет нежно оближивать ему ухо... А потом, когда всё закончится, решительно выставит его на улицу и больше уже никогда не пустит на порог. Поэтому он лишь сжимал в ладонях талию, наслаждаясь её трепетом. У выхода в прихожую, прислонившись к стене, со сложенными на груди руками стояла Астория и улыбалась, на них глядя. Панси тоже почувствовала её присутствие, оторвалась от него, оглянулась и безуспешно попыталась вырваться.

— Ну пусти, — тихо попросила она, глядя снизу вверх своими изумрудами. — Пожалуйста!

Он нехотя разжал руки, но сразу притянул её к себе и зажал под мышкой. Астория подошла и устроилась с другой стороны, весело глядя на Панси.

— У меня поменялись планы, — сообщила она. — Раз уж ты за завтраком собралась составить компанию Гарри, то на тебя я его и оставлю. Смотри там, чтобы он к чужим девкам не приставал!

Она привстала на цыпочки и тоже подставила уста, но лишь для того, чтобы смачно чмокнуть его в губы. Панси при этом внимательно за ней следила, словно изучая поведение диковинной зверушки.

— До вечера, милая, — ласково сказал он, и Астория упорхнула, мягко прикрыв за собой входную дверь.

— Ну, и мы тогда пойдём, — предложил он, увлекая Панси в прихожую.

Первым пунктом программы по-прежнему оставался завтрак. Совсем недалеко, в Риджентс, как раз было небольшое кафе, которое открывалось достаточно рано. Он не был уверен, насколько меню ей подойдёт, но, по крайней мере, место было хорошее. Она держала его за руку, и ощущение доверчиво отданной ему ладони наполняло его теплом. Однако на лице её было выражение крайней сосредоточенности, и он подумал, что она старается угадать, куда же он её тащит в такую рань. И не угадал сам.

— Неосмотрительно, — вдруг заявила она.

Он удивлённо на неё посмотрел. Не так уж часто она сама начинала беседу, а если уж что-то говорила без предшествующих тому попыток с его стороны завязать разговор, то обычно это было какое-то краткое сообщение, не предполагавшее диалога.

— Прости, не уловил, — признался он. — Что именно неосмотрительно?

— Не стоило, — пояснила она. — Обидел Тори. Убежала.

— Не волнуйся, — улыбнулся он. — Всё в порядке. Ты же видела — она не сбежала, хлопнув дверью и не закатила скандала. Поцеловала на прощанье и убежала по делам.

— К себе домой? — уточнила она.

— Ко мне, — помотал он головой. — К нам.

— Не понимаю, — пробормотала она, и глаза её слегка расширились, делая её попытки сохранять на лице бесстрастное выражение немного комичными.

Он снова украдкой улыбнулся.

Вопреки его опасениям, меню она одобрила, хоть это и не совсем походило на традиционный английский завтрак. Она не сомневаясь взяла себе блин с начинкой, но не такой, как заказал он. К блинам прилагалась жареная по-деревенски картошка. Он попросил себе двойной эспрессо, который сразу же отдал ей, откинулся и принялся наслаждаться выражением блаженства на её лице, с которым она, жмурясь, чуть ли не окунала носик в дымящийся напиток с густой пенкой поверху. Апельсиновый сок в этом заведении выжимали на месте, но не руками, а с помощью специально предназначенной для приготовления апельсинового сока машины. За это короткое время он уже успел изучить все оттенки бесстрастности на её лице, и сейчас ему ясно было видно, что ей хорошо, и что она рада тому, что он её вытащил из дома в такую рань.

— Теперь ты, — сказала она, заметив, что он уже расправился со своим блинчиком и успел уничтожить всю картошку.

— Что — я? — не понял он.

— Рассказывай, — пояснила она. — Про себя.

Всю неделю он таким способом компенсировал невозможность прижать её к себе — по телефону заставлял вспоминать и рассказывать про свою жизнь. Теперь, очевидно, она решила, что и ему стоит немного поделиться воспоминаниями.

— Ты знаешь, — развёл он руками, улыбнувшись, — моё детство вовсе не было таким уж радостным. Мне совсем не хочется, чтобы ты начала грустить в такое прекрасное утро или, того хуже, жалеть меня...

Она замерла, словно обдумывая, что он сказал, но он эту паузу воспринял с благодарностью — она не хотела опозлить его слов поглощением пищи.

— Обещай, — наконец произнесла она.

— Обещаю, — кивнул он. — Постепенно... когда выдастся правильный момент, я тебе расскажу без напоминания.

— Тогда что-то весёлое, — предложила она, снова берясь за приборы.

— Весёлое? — усмехнулся он. — Хорошо, давай весёлое. Мне Дэниел, мистер Гринграсс, рассказал... Ты не против?

— Отнюдь, — согласилась она.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда слушай. Мой запой длился полгода, с момента... Раз в неделю, а то и чаще я приходил к Гринграссам. Хотя я и вёл себя, как последняя свинья, но они всё равно были рады тому, что я жив... Они боялись, что...

— Пока не весело, — сообщила она.

— Это пролог, — ободряюще улыбнулся он. — Немного грустный, конечно, но дальше будет лучше. Так вот, как-то я в очередной раз завис у них в гостинной в невменяемом состоянии, и тут появились Малфои. Без Нарциссы — только Люциус и Драко. Люциус сразу начал требовать Асторию, как компенсацию за то, что я разрушил помолвку Драко и Дафны. Я, хоть ничего и не соображал, встал и ударил Драко ногой в голову, а потом начал пинать его тело на выход. Дэниел кулаком стукнул Люциуса, и его мы из уважения к седидам не стали пинать, а выволокли за ноги. Вот. Правда, весело?

Она как раз покончила с едой и неторопливо промокнула губы салфеткой.

— Горжусь тобой безумно, — сообщила она с флегматичным видом.

— Ну смешно же! — воскликнул он.

— Я смеюсь, — заметила она с каменным лицом. — Разве не видно? Хочу добавки. Мы торопимся?

— Много слов, — улыбнулся он, потянулся к ней и провёл рукой по её щеке. — Нет, мы никуда не опаздываем, кошечка.

Она потянулась щекой за его ладонью, а когда он вернул руку, прижалась к ней.

— Мне блин с лососем, — попросила она. — Я занята.

Причём, очень важным делом — тёрлась о его ладонь. Он свободной рукой подозвал официантку и сделал заказ. Ему самое время было получить свою порцию сладкого, и к её заказу добавился десерт.

— Куда идём? — поинтересовалась она.

— В Косой переулок, — пожал он плечами. — купишь в лавках всё, что тебе нужно. Или хочешь, я куплю...

— Нет, — сказала она, строго на него поглядев.

— Да, — спокойно возразил он. — И в этом случае я даже не намерен с тобой спорить. Мы идём в Косой — и точка!

— Я не хочу, — тряхнула она головой, отталкивая его руку. — Ничего не надо.

— Надо, — повторил он и смягчился: — Ну ладно, скажи мне, почему ты не хочешь? Потому, что все эти люди тебя обидели? Да плюнь ты на них! У всех этих мелких сплетников и завистников никогда не будет того, что есть у тебя.

— Чего? — спросила она.

— Пойдём туда, и узнаешь, — пообещал он. — Не упрямься, я тебя никому в обиду не дам. Выбери кого-нибудь, кто тебе особенно насолил, и туда направимся в первую очередь.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, — ответил он. — Потому, что я так хочу.

— Ветряные мельницы, — заявила она.

— Пусть, — легко согласился он. — Но иначе я не могу. Я не могу безропотно мириться с тем, что эти люди с тобой сделали...

— Я сама, — перебила она.

— Глупости! — возмутился он. — Ничего не сама! Без помощи всех этих доброжелателей ничего бы и не было. Мне это не даёт спокойно спать. А характер у меня таков, что если я слечу с нарезки, то мало никому не покажется. Вот прочитаешь в газете про сотни трупов, тогда и скажешь, что это “ты сама”.

— Шантаж, — заметила она.

— Нет, не шантаж, — вздохнул он. — Я и вправду очень сильно переживаю. Нет, убивать я не хочу, но другие мысли появляются. Знаешь, теперь если кто-то обращается в аврорат за помощью, я первым делом думаю, а стоит ли? Может, как раз этот человек был одним из тех, кто тебя обидел?

— Я поняла, — сказала она. — Сделаю. Для тебя.

Он молча взял её руку и поцеловал.

— Не все... — сказала она. — Были другие.

— В каком смысле? — не понял он. — Я понимаю твою привычку экономить на словах, но прошу тебя, будь со мной щедрой.

— Были те, кто оставался ко мне добр, — пояснила она. — Или хотя бы не выказывал недовольства...

— Гринграссы? — спросил он.

— Крёстные — разумеется, — сказала она. — Нет, был один человек в Косом...

— С него и начнём, — кивнул он. — Если ты не против, конечно.

— Будто меня кто-то спросил, — равнодушно ответила она.

“Весёлый корешок Маленького Джона” — так называлась эта лавка. Пока они шли к “Дырявому котлу”, Пansi всё ниже опускала голову и даже немного ссутулилась, словно пытаясь казаться незаметной. Он остановил её у самого входа, взял лицо в ладони и нежно поцеловал.

— Я с тобой, Пansi, — сказал он. — Не думай ни о ком, кроме меня. Просто смотри на меня, не отрываясь. Я от тебя не отстану ни на шаг.

Он поднял пятерню, показывая ей, и она осторожно вложила в неё ладонь, внимательно глядя ему в глаза. Однако когда они прошли через стену, отделявшую волшебный мир от Лондона, она сразу же прижалась к нему, прячась за спиной. Он не стал настаивать, рассчитывая, что она сама понемногу освоится, а так она по крайней мере глаз не прячет... когда из-за него выглядывает. Когда она рванула в “Весёлый корешок”, он невольно придержал её, резонно подумав, что под такой вывеской обязательно должно скрываться что-то неприличное. Она спокойно ждала, пока он отпустит, а потом вошла вовнутрь, и ему пришлось последовать — но с небольшой задержкой, чтобы “Маленькому Джону” не было заметно, что они вместе.

Как ни странно, внутри оказалось освещённое зеленоватым светом помещение с несколькими рядами полок. В многочисленных стеклянных футлярах стояли подсвеченные корни, из которых он смог опознать от силы десятков, а остальные были совсем незнакомы.

— Добрый день, мисс Паркинсон, — раздался голос от стойки продавца, и Гарри наконец заметил невысокого человечка, который лишь едва выглядывал из-за стойки. — Давно я вас здесь не видел...

— Здравствуйте, мистер Джон, — ответила она. — Да, простите, что совсем вас забыла. Сами понимаете...

Это было удивительно — она вполне нормально поддерживала разговор с этим продавцом, в то время, как Гарри приходилось из неё слова клещами вытягивать!

— Понимаю, конечно, — согласился продавец и вдруг стал на голову выше.

Впрочем, объяснение этому тоже нашлось достаточно быстро — за стойкой пряталась небольшая лестница в две ступеньки, на которую и вскарабкался карлик.

— Совсем вас наши курицы затюкали, да? — сочувственно спросил он.

— Совсем, мистер Джон, — согласилась она.

— Вам собрать, как обычно? — поинтересовался продавец. — Или ещё что-то добавить?

— Нет, спасибо, — откликнулась она. — Кроме того мне больше ничего не нужно.

Мистер Джон прыгнул со своей подставки и, захватив шёлковых мешочков и небольших стеклянных флаконов, проворно побежал вдоль полок, собирая неведомое Гарри “как обычно”. Он так увлёкся этим занятием, что чуть не врезался в стоявшего у одной из полок Гарри. Опешив, мистер Джон медленно поднял голову, задирая её, словно перед ним внезапно вырос небоскрёб, и наконец уставился в лицо Гарри. Узнав знаменитого аврора, от подпрыгнул на месте и неуловимо быстрым движением переместился к Панси, расставив в стороны руки, словно её загораживая. Выглядело это тем более комично, что она на добрых полторы головы возвышалась над своим защитником.

— Мисс Паркинсон, — быстро проговорил он, растянув рот набок, — скорее, за стойкой дверь на склад, а там на чёрный ход! Я его задержу!

При этих словах в его руке откуда ни возьмись появилась палочка, которую мистер Джон направил точно на Гарри.

— Всё в порядке, мистер Джон, — сказала она.

— Умоляю, мисс Паркинсон, бегите! — взмолился тот, не сводя с Гарри ни взгляда, ни палочки.
— Сейчас не время играть в благородство!

— Всё в порядке, мистер Джон, — повторила она и вышла из-за него. — Разве вы не видите, что аврор Поттер не собирается делать мне ничего плохого?

— Не делайте этого, мисс Паркинсон! — воскликнул мистер Джон, но она уже дошла до Гарри и взяла его под руку.

— Мы пришли вместе, мистер Джон, — пояснила она.

— Не понимаю, — нахмурился тот. — Вы под арестом? И он вас конвоирует? Что вообще происходит?

— Нет, мисс Паркинсон не под арестом, но я и вправду сопровождаю мисс Паркинсон, — вмешался Гарри. — Правда, не совсем в том же смысле, что вы имеете в виду. Дело в том, что мы с мисс Паркинсон...

— Друзья! — перебила она. — Мы с мистером Поттером друзья, и он вызвался меня сопроводить...

— Почему вы решили, что я должен арестовать мисс Паркинсон, — он поглядел ей в глаза и уточнил: — Ты точно ничего такого не делала?

— Не делала, — подтвердила она.

— В самом деле, — нахмурился мистер Джон. — Видать, эти курицы и мне мозги выклевали! Простите меня, мистер Поттер!

— Ничего страшного, — ответил он, протягивая руку, — мистер...

— Джон, Мефистофелос Джон, — представился тот.

— А я Гарри, — пожал он его руку. — Как поживаете?

— Как поживаете, мистер Поттер, — откликнулся Мефистофелос и хлопнул себя по лбу. — Ваши покупки, мисс Паркинсон!

Он забежал за стойку, водружая на неё выбранный товар, и снова поднялся на свою лесенку.

— Скажите, мистер Джон, — поинтересовался Гарри, вместе с Панси подходя ближе, — вы были друзьями с Паркинсонами?

— Нет, не был, — ответил тот, пристально разглядывая содержимое одной из стеклянных баночек, а потом что-то записывая неразборчивым почерком в свою книжицу.

— Может, вы знали мисс Паркинсон до того? — спросил Гарри.

— Отнюдь, — возразил Мефистофелос. — С мисс Паркинсон я познакомился уже после того, как она закончила школу. А, вы, наверно, недоумеваете, отчего я единственный в торговом ряду, кто разговаривает с мисс Паркинсон? Так я же себя за человека считаю, мистер Поттер. Один тридцать, мисс Паркинсон!

— Спасибо, мистер Джон! — откликнулась она, доставая деньги.

— Спасибо, мистер Джон! — сказал Гарри уже в дверях.

На улице она остановилась, глядя на него исподлобья.

— Хватит? — спросила она.

— Мне даже обидно, — произнёс он, подходя вплотную. — Такое красноречие... Так много слов...

— Самое малое, чем отплатить за доброту, — пояснила она.

— А я, значит, недостоин, — сказал он, отворачиваясь.

Она дёрнула его за пиджак, поворачивая к себе.

— А я, значит, тебе должна? — тихо спросила она.

— Прости, — покачал он головой. — Мне стыдно, что я тебе такое сказал. Прости, пожалуйста.

— Тебе не за что извиняться, Поттер, — сказала она. — Ты сам это знаешь.

— Не знаю, — откликнулся он. — Пойдём дальше, посмотрим на местных куриц, раз уж мистер Джон так нам их разрекламировал.

В качестве первой цели она выбрала магазин под названием "Лысая гора". На витрине в вихре блёсток кружилась помесь феи с золушкой, и понять, чем торгуют внутри, можно было лишь по традиционной изображавшей готовые зелья чаше на вывеске. Из чаши при этом торчал символ Венеры, что должно было означать зелья для женщин. Панси ещё с минуту сверлила его взглядом у входа, рассчитывая, похоже, что он сжалится и переменит своё решение, но он позволил себе просто наслаждаться пристальным взглядом её зелёных глаз, полностью игнорируя вспыхивающие в них колющие искорки. Видимо, она это тоже достаточно быстро поняла, поскольку развернулась и всё-таки зашла в магазин. Он сосчитал до пяти и зашёл за ней.

Это заведение больше походило на магазин парфюмерии — хотя, в сущности, так оно и было. Большая часть “женского” ассортимента зелий и мазей, конечно же, предназначалась для наведения и сохранения красоты. Духи, которые могли — в зависимости от предназначения — навевать приятные воспоминания, будоражить и заставлять бурлить кровь, разжигать страсть... Тени для глаз, либо заманивающие взгляд в ловушку, либо придающие глазам невероятные размеры и красоту. Мазь для кожи, на некоторое время словно затягивающая всё тело в корсет и создающая практически идеальную фигуру — но за свою цену, конечно, которая заключалась в сжигающей в течение двух дней после применения боли. Конечно же, средства для решения мелких проблем вроде неровной пигментации, прыщей и даже бородавок были в ассортименте в соответствующем отделе.

Панси же сразу направилась в самую “медицинскую” часть магазина — там продавались лечебные препараты, но с женской спецификой. К примеру, противозачаточное зелье. Ей, понятное дело, противозачаточное принимать было поздно, но зато требовалось другое, например, амулет для защиты плода, который создавал чары, оберегающие ребёнка от возможных опасностей и повреждений. Она ждала, глядя на стоявшую в метре от неё хозяйку, блёклую женщину немного за сорок, старательно не уделявшую ей абсолютно никакого внимания. Когда он вошёл, хозяйка бросила на него рассеянный взгляд, распахнула глаза и снова посмотрела на него — но уже восхищенно. Она развернулась и выбежала в подсобное помещение, откуда вернулась меньше, чем через полминуты, но уже с сильно похожей на неё девушкой. Всё время, пока хозяйки не было, Панси смотрела на него, и в её бесстрастном взгляде он уже явно читал упрёк.

Девушка сразу же подошла к нему, но говорить начала ещё ранее.

— Добрый день! — восторженно зашебетала она. — Мы рады видеть вас в нашей скромной аптеке. Меня зовут Офелия, Офелия Ролиполи, а мою маму и хозяйку магазина зовут Луиза...

Луиза, которая внимательно слушала монолог дочери, одобрительно кивая головой, сразу же улыбнулась ему со всей приветливостью, на которую была способна. На собственный товар она, похоже, не тратилась, и улыбка вышла такой же, как она сама — блёклой.

— Что бы вы хотели приобрести? — продолжила Офелия. — Могу предложить вам...

В этот момент она осознала, что предложить-то ему она ничего не может, поскольку абсолютно все зелья, микстуры, мази и амулеты в магазине были предназначены исключительно для употребления прекрасным полом. Однако гостеприимство продавщицы просто обязывало её найти в магазине товар, точно предназначенный для одинокого аврора, и к тому же она вовремя вспомнила о первоначальной цели своего выхода к необычному покупателю. Чтобы ликвидировать досадное упущение, она крутанулась на месте, окутываясь едва заметными искорками волшебства, а когда снова оказалась лицом к Гарри, её строгое закрытое платье зельевара оказалось немного более фривольным, полностью открыв вид на ложбинку между подтянутых и выпяченных шариков груди, обнажённых практически на грани приличия и словно готовых выпрыгнуть по первому требованию в руки восторженного ценителя. Гарри с трудом отвёл от них взгляд, стараясь при этом не смотреть чертовке в глаза, которые тоже явно светились колдовским огнём. Интересно, он уже успел с ней... повстречаться? Воспоминания, конечно, вернулись, но не полностью, далеко не полностью...

— Вряд ли вы меня помните, мистер Поттер, — снова принялась она щебетать, — ведь я была ещё зелёной первоклашкой, когда вы уже победили Сами-знаете-кого. Это была так мужественно, мистер Поттер! Я так давно мечтала о возможности лично выразить своё почтение!..

Прелестно! В одной фразе она ухитрилась и обозначить свой юный, но вполне уже пригодный к брачным играм возраст, и заодно намекнуть на то, что предложение встретиться в менее формальной обстановке было бы ей воспринято вполне благосклонно... Зато теперь понятно, что раньше он её не видел, и это, в общем-то радовало. В этот момент Панси, которой действительно нужны были и зелья, и мази из этого магазина, надоело ждать.

— Простите, — попыталась она окликнуть отворачивающуюся от неё хозяйку.

Гарри с демонстративным интересом вытянул шею в её сторону.

— Ах, не волнуйтесь, это всего лишь Паркинсон, — заговорщицки приложив к щеке ладонь, громким шёпотом пояснила Офелия. — Та самая! Но не переживайте, мама от неё быстро избавится!

Последних слов он уже не слушал, поскольку уже её обошёл и оставил позади. Подошёл к Панси вплотную и прижал к себе, интимно склоняясь к её ушку.

— Ты уже выбрала, что тебе было нужно, милая? — поинтересовался он. — Давай же скорее попросим нашу добрую хозяйку, чтобы она тебе помогла.

Весело глядя той в глаза, он опустил руку чуть ниже, как бы невзначай натягивая платье на животе. Хозяйка пошатнулась, словно тролль, получивший в глаз собственной дубиной, но быстро восстановила самообладание.

— Конечно, конечно! — расплылась она в притворной улыбке, колючими глазами сверля то Панси, то красноречиво выступающий животик. — Что пожелаете, мистер Поттер? Амулет-оберег, укрепляющее зелье, тонизирующую мазь?

— О, нет, я здесь оказался совершенно случайно, — покачал он головой. — Не обращайтесь на меня внимания. Ваш клиент — мисс Паркинсон. А я вот здесь в уголке встану, чтобы удобнее любоваться было...

Он отпустил Панси и скользнул вдоль стойки к стенке, где и замер, демонстрируя обожающий взгляд. К своему удивлению, он обнаружил, что обожание ему даётся легко, когда она находится в поле зрения. Чувствуя на себе его взгляд, она машинально сложила руки на животе, очерчивая контуры, словно зная, насколько ему нравится её нынешняя особенная красота.

— Мисс Паркинсон, — с натугой выдавила из себя хозяйка. — Рада приветствовать вас в нашем магазине... — она покосилась на Гарри, и он подбодрил её кивком головы. — Весь наш ассортимент к вашим услугам. Любое ваше пожелание будет незамедлительно использовано.

Хозяйка опять сверилась с Гарри, и он ей улыбнулся — мол, всё идёт просто замечательно! Панси достала из-за воротника небольшой кулон на цепочке и протянула ей.

— Вот мой амулет-оберег, — сказала она. — Зарядите, пожалуйста.

— Сию минуту, — подхватила та, собираясь удалиться в подсобное помещение. — Офелия пока поможет вам с остальным.

— Будьте осторожны, — попросил Гарри. — Я так волнуюсь, что с ребёнком что-то случится!

Хозяйка снова застыла, как пыльным мешком ударенная.

— Не волнуйтесь, мистер Поттер, мы гарантируем качество нашего товара всем нашим клиентам без исключения! — пробормотала она и выскользнула-таки вон.

— Что ещё пожелаете, мисс Паркинсон? — спросила красная, как рак, Офелия, занимая её место за прилавком.

— Ваша матушка правильно угадала, мисс Ролиполи, — учтиво склонила голову Панси, — укрепляющее зелье, тонизирующие мази. Ещё нужна соль для принятия ванны. И косметика, конечно. Мыло, шампуни, средства ухода...

— Всенепременнейше, мисс Паркинсон, — живо откликнулась Офелия, которая сразу пришла в себя, как только оказалась в привычной для себя роли обслуживающей клиента продавщицы.

— Я уже отложила вам средства для дам в положении, и если вы пройдёте со мной вот к этому отделу, мы с вами очень быстро подберём в точности, что вам нужно из косметики!

— Да, конечно, с удовольствием, мисс Ролиполи, — склонила голову Панси.

— Мне очень приятно будет угодить вам, мисс Паркинсон, — присела в книксене Офелия.

— Ваш амулет, мисс Паркинсон, — появилась миссис Ролиполи, за которой тянулся шлейф использованной сильной магии.

Как ни была она неприятна Гарри за своё отношение к Панси, тем не менее, трудно было не отдать должное её мастерству — подобные чары требовали большого умения и, разумеется, большой отдачи сил. После того, как на амулет были наложены необходимые чары, на неделю миссис Ролиполи должна была почти полностью потерять способности к магии — но зато и

результат впечатлял.

Ещё минут двадцать хозяйки вдвоём подбирали Панси товар согласно её предпочтениям, а потом принялись шустро всё это упаковывать. Обилие коробок не столь сильно смущало Гарри, как в тот раз, когда он впервые появился в Косом переулке, будучи ещё не в курсе существования службы доставки, которая полностью избавляла покупателя от необходимости таскаться по торговым рядам, навьюченным многочисленными коробками, свертками и мешками. Собрав вместе гору покупок, миссис Ролиполи дотронулась до неё палочкой, и товар исчез, оставив оседающую на его месте золотую пыль. Панси потянулась за сумочкой, но Гарри успел поймать её руку.

— Не волнуйся, дорогая, — рассмеялся он. — Уж сегодня-то я не забыл дома кошелек, как в прошлый раз!

— Конечно, милый, как скажешь! — бесстрастно откликнулась она, и ему показалось, что она не просто недовольна, но даже отчего-то злится.

По поводу такого радостного события миссис Ролиполи предоставила десятипроцентную скидку, чуть было не упала на колени, умоляя мисс Паркинсон не забывать их лавку, и даже поделилась именем знакомой целительницы, специализирующейся на наблюдении за будущими мамами, принятии родов и опеке над новорождёнными, достигшей, по словам миссис Ролиполи, больших высот в своём деле. В общем, сосватала Панси повивальную бабку. Проводили их до дверей вдвоём миссис и мисс Ролиполи, практически ежесекундно кланяясь и зазывая снова в гости.

— Ф-фух! — с облегчением выдохнул он, когда они оказались на улице. — Кто следующий?

— Хватит, — сказала она.

— Нам нужно всех обойти, — возразил он. — Смотри, как замечательно получилось!

Она развернулась и пошла в следующий магазин. Новость о чудесном превращении изгнанницы магического мира в будущую мать наследника — а в том, что это будет мальчик, отчего-то никто не сомневался — Победителя Сами-знаете-кого, волшебным образом во мгновение ока разнеслась по торговым рядам, и мисс Паркинсон не просто радостно встречали ещё на подходе к очередному магазинчику, но даже пытались перехватить у конкурента. Решив проверить, не к нему ли относится такое трепетное отношение, Гарри закутался в свою мантию-невидимку, продолжая сопровождать Панси, но тем не менее энтузиазм ларёчников не иссяк.

— Устала, — заявила она, когда они в конце концов покинули Косой переулок и вышли их “Дырявого котла” на улицу маггловского Лондона. — Домой.

— Может, пообедаем где-нибудь? — предложил он.

Не ответив, она развернулась и направилась по направлению к своему дому. Он в два шага догнал её и взял за руку. Выяснилось, что она несколько не покривила душой — то, как она чуть ли не повисла на нём, лучше всяких слов сказало, насколько она измотана. И ещё он чувствовал, что она сердита. Точнее, даже, он почти физически ощущал исходящую от неё ярость, которой она, тем не менее, не позволяла пробиться наружу.

— Я зайду? — спросил он, когда они в полном молчании дошли до её крыльца.

— Нет, — ответила она и дёрнулась было к двери, но он её удержал.

— Что происходит? — спросил он. — Почему ты на меня злишься? Что я такого сделал?

— Много слов, — ответила она, глядя в сторону.

— Чёрт подери, я хочу много слов! — чуть было не закричал он. — Я хочу, чтобы ты подробно и в красках объяснила мне, за что ты сейчас на меня злишься!

— Хорошо, — согласилась она. — Подробно и в красках. Как ты хочешь. Дело даже не в том, что ты, не спросив моего разрешения, объявил меня своей собственностью, и не в том, что ты на весь магически мир похвалился тем, что меня обесчестил...

— Но я... — подал он голос.

— Это я знаю, что это не так, — не дала она ему закончить. — И поэтому это всё не так страшно. Но скажи мне, что ты о себе возомнил, когда решил, что тебе дозволено оплачивать мои покупки?!

— Я решил... — замялся он. — Я решил.

— Много слов, Поттер? — поддела она.

— Я решил, что раз у нас будет ребёнок, и мы не совсем чужие друг другу люди... — сказал он.

— Я тебе уже сказала, — снова перебила она. — Это мой ребёнок, что бы ты там себе ни напридумывал.

— Но я... — возмутился он.

— А ты мне никто, — отрезала она.

Слова застряли у него в горле. Он несколько раз открыл и закрыл рот, но не смог издать ни

звука, а лишь беспомощно таращил глаза. Она развернулась, чтобы покинуть его, но он снова её задержал.

— Пстой, — прохрипел он, с трудом ворочая непослушным языком. — У меня, должно быть, что-то со слухом, и я, похоже, не совсем правильно расслышал твою последнюю фразу. Не затруднит ли тебя повторить ещё раз?

— Ты. Мне. Никто, — с готовностью произнесла она, отвернувшись и зашла в дом, оставив его одного.

Оставшись один, он сделал ватными ногами один шаг, другой, и медленно побрёл к себе домой, про себя повторяя — “Левой, правой, левой, правой...”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/74095/2051772>